

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ

Материалы научной конференции,
состоявшейся в Москве 29–30 ноября 2017 г.

ДОКЛАДЫ

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ

В.В. Согрин

В докладе рассмотрены основные методологические принципы изучения истории США, используемые автором. Это историзм, оценивающий события и деятелей прошлого в контексте возможностей своего времени. Это критическое использование источников. Это междисциплинарный и цивилизационный подходы. Это диалог различающихся научных школ. Автор доказывает, что использование разнообразных методологических средств равнозначно не эклектике, а более плодотворному постижению исторической истины. Историческая истина лежит не посередине между противоположными оценками. Ее постижение означает раскрытие, признание, точное соотнесение и сбалансированное представление в исследовании всех сторон изучаемого объекта.

Ключевые слова: историзм, цивилизационный и междисциплинарный подходы, диалог историков, истина

The paper discusses the basic methodological principles for studying the history of the United States used by the author. This is historicism, evaluating events and figures of the past in the context of the possibilities of its time. This is a critical use of sources. These are interdisciplinary and civilization approaches. This is a dialogue of different schools of historians. The author argues that the use of various methodological means is not equivalent to eclecticism, but

lead to a more fruitful comprehension of historical truth. Historical truth does not lie in the middle between opposite evaluations. Its comprehension means disclosure, recognition, accurate correlation and balanced representation in the study of all aspects of the object being studied.

Key words: historicism, civilization and interdisciplinary approaches, the dialogue of historians, the truth

На первое место среди методологических оснований современной американистики я бы поставил *историзм*. Его антитеза — *презентизм* равнозначен подчинению исторической интерпретации сегодняшнему дню — это «политика, опрокинутая в прошлое». Историзм оценивает события и деятелей прошлого в контексте возможностей своего времени.

Современные информационные войны, как в случае российских, так и американских СМИ, создают односторонний или искаженный образ критикуемого объекта, рассматриваемого как главного внешнего врага, и с принципами историзма не совмещаются. Презентистский подход воспринимается и поддерживается рядом историков с научными степенями. Приведу примеры. Доктор исторических наук Н.А. Нарочницкая в передаче, посвященной столетию Первой мировой войны, доказывала, что война была инспирирована США в целях уничтожения Великой православной монархии, т.е. России, и Вашингтон добился своей цели вкупе с Лениным и большевиками. Другой публичный историк, В.И. Крашенинникова, кандидат исторических наук, во время празднования 70-летия высадки союзников СССР в Нормандии доказывала, что США осуществили высадку во Францию в целях опережения СССР в оккупации Германии и что вообще целью США во Второй мировой войне было ослабление СССР, а не победа над Германией.

Член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров выступил с той концепцией, что Россия в 1905 г. могла рассчитывать на победу в войне с Японией. А ее проигрыш был результатом происков США, вынудивших Россию пойти «на уступку Японии Курил и Южного Сахалина»¹. Тезис А.Н. Сахарова о том, что США в 1905 г. показали «еще раз, кто является истинным дирижером событий на Дальнем Востоке», антиистори-

¹ Сахаров А.Н. Правда о неоконченной войне. Позорный проигрыш русско-японской войны 1905 года не более чем исторический миф // Российская газета. 2006. 13 ноября.

чен. Дело в том, что в тот период, а, тем более, ранее США по своему влиянию в мире и на Дальнем Востоке уступали всем ведущим европейским державам – Англии, Германии, Франции – и из-за позиции последних не сумели воплотить в жизнь свои стратегические установки, в первую очередь, доктрину «открытых дверей». Отмечу также, что А.Н. Сахаров «упустил из виду» (по сути, пошел на откровенную фальсификацию), что Курилы с 1875 г. принадлежали Японии и уступать их не требовалось.

Примером антиисторизма в современной американской историографии может служить *политкорректность*. *Политкорректность* – набор мировоззренческих установок, оформившихся в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не в состоянии проигнорировать и консерваторы), под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX в. Сами эти изменения можно охарактеризовать как позитивные: первое главное среди них означало признание американским обществом безусловного равноправия черной расы, а второе заключалось в признании также безусловного равенства и равноправия во всех общественных сферах американских женщин. Эти две истины, одобренные обществом Соединенных Штатов под воздействием, в первую очередь, широких демократических движений 1960–1980-х гг., сопровождались многочисленными законодательными актами, утверждавшими равноправие чернокожих и женщин, и оказали сильнейшее воздействие на изменения в национальной ментальности и культуре. Серьезным было их воздействие на общественные науки и историографию.

В историографии укоренились «женские» и «афроамериканские» исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. В результате научная картина американской истории серьезно разнообразилась и пополнилась. Но в изучении новой проблематики обнаружились и серьезные перекосы, находящиеся в явном противоречии с принципами историзма. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной политкорректности, которая фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Важнейшие события прошлого, такие как Война США за независимость (1775–1783), Гражданская война (1861–1865), Прогрессивная эра начала XX в. и Новый курс 1930-х гг. стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествующими эпохами, сколько в связи с неспособностью обеспечить равные права афроамериканцам и женщинам.

Следующим принципиальным методологическим основанием является *научное использование источников*. Историк постоянно опирается

на первоисточники, но обращаясь подчас к одним и тем же источникам, меняет представление о том, какие из них наиболее важны, какие менее значимы, а какие вообще могут быть опущены в выстраивании научной концепции. С повышением квалификации историк извлекает из источников новые, прежде потаенные, смыслы. Но абсолютизация роли первоисточника в постижении исторической истины в любом случае уязвима. По этому вопросу существует огромное количество профессиональных исследований. Я ограничусь обобщением И.Д. Ковальченко, разделяемым многими профессиональными исследователями: «Факты исторического источника (курс. автора. — В.С.) представляют собой *отражение* (курс. автора. — В.С.) фактов действительности творцом источника. Оно, как и всякое отражение, субъективно... *Научно-исторический факт* (курс. автора. — В.С.) — это отражение историком фактов исторической действительности на основе фактов источника. Следовательно, научно-исторический факт — в целом дважды субъективизированное отражение прошлого»².

Профессиональные историки, придерживающиеся разных концепций, приводят в их подтверждение разные данные источников. Дифференциация и отбор источников зависят от авторского мировоззрения, хотя многие историки в этом не готовы признаться, а то и искренне убеждены, что свободны от всяких идеологических воздействий. Это ставит в качестве важной задачи выработку у профессионального историка морально-этического кодекса непредвзятого и сбалансированного привлечения источникового материала исследуемой темы, максимального приближения к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов. Такой кодекс не может быть предложен в качестве некоего закона, но его присутствие в профессиональной историографии и у любого специалиста, считающего себя профессионалом, необходимо.

Следующий методологический принцип — *диалог историографий*. Профессиональную историографию отличает от пропагандистской и обывательской полнокровное знание и использование историографии исследуемой темы. Назову два главных метода отношения к историографической традиции. Это *противоборство* и *диалог*. Противоборство означает стремление к научной монополии, к дискредитации и устранению оппонента — соперника. Пропагандистская и обывательская историография, как правило, игнорирует историографическую традицию, навязывает собственную монополию, стремится к уничтожению и ликвидации отличающихся интерпретаций концепций, выводов. Сегодня мы наблюдаем, как на основе этого подхода ведутся дискуссии

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 130.

на исторические темы в отечественных СМИ. Ведущий-«модератор» целенаправленно выстраивает дискуссию в направлении торжества концепции, угодной заказчику, и уничтожения иной интерпретации.

Диалог, в отличие от противоборства, означает взаимообмен научными результатами и дискуссию в целях совместного приближения к научной истине, что предполагает восприятие приводимых оппонентом рациональных аргументов, выводов, выверенных фактов. *Противоборство* – это игра с «нулевой суммой», а *диалог* – это научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, это приращение общего знания в интересах исторической науки в целом. Культура диалога в российской историографии еще далеко не сформирована, у многих историков она отсутствует, но в ее развитии в постсоветский период достигнуты позитивные результаты. На мой взгляд, это проявилось в изменении взаимоотношений с зарубежной исторической наукой. В советский период эти взаимоотношения включали в качестве основополагающей составляющей борьбу с «буржуазной» историографией. Возможность творческого восприятия тех или иных положений зарубежной историографии практически касалась только тех школ, которые были близки к марксизму, а в отношении выводов, подходов, концепций иных школ предполагалась сугубо критическая, зачастую непримиримая позиция. В постсоветский период эта установка утрачивала значение, борьба с буржуазными школами уступала место диалогу и дискуссии со всеми без исключения направлениями и течениями мировой исторической науки, а главным критерием отношения к выводам и концепциям той или иной школы становится их соответствие исторической реальности, а не ценностно-мировоззренческие предпочтения представителей данной школы.

Мысленный диалог со всеми исследовательскими историческими школами, в том числе с оппонентами, означает восприятие суждений оппонентов как вызова, который в качестве ответа предполагает учет всего рационального, что заключено в позиции оппонентирующей школы.

Цивилизационный анализ. Среди методов мирового обществознания, воспринятых современной отечественной исторической наукой, значимым представляется *цивилизационный подход*. Восприятие этого подхода декларировалось многими российскими историками, но, на мой взгляд, не все смогли разработать удовлетворительную парадигму изучения *конкретной региональной или страновой цивилизации*. Речь идет о конкретном реестре архетипов и факторов, определяющих цивилизационное своеобразие той или иной страны (России, Великобритании, Франции, Японии, Китая и т.д.). Ниже предлагается перечень архетипов и факторов цивилизации США, который был использован автором при изучении американской истории.

США относятся к наиболее распространенному типу цивилизаций, обозначаемых как *локальные*. Локальная цивилизация в своем общественно-историческом развитии демонстрирует *преемственность основополагающих экономических, политических и особенно социокультурных характеристик, и эти характеристики в значительной мере оказываются доминантами ее внутренней структуры и эволюции*. Соединенные Штаты обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют также архетипы и факторы, присущие только им. В целом можно говорить о цивилизации США как самостоятельном историческом феномене.

В американской исследовательской литературе нет единства в определении важнейших архетипов и факторов цивилизации США. В одном из классических исследований цивилизации США указывается, что в качестве главных факторов, способствовавших ее успеху, чаще всего выбирают такие, «как Конституция, индивидуалистический капитализм и фронтир»³. В другом классическом исследовании основополагающего архетипа американской цивилизации таковым выступает *либерализм* в его локковском варианте⁴. А такой известный современный политолог и культуролог, как С. Хантингтон, видел его в *английском протестантизме*⁵. Еще один современный американский мэтр, Д. Белл, доказывал, что фактором, позволившим США возвыситься над другими цивилизациями, в том числе и западными, являлось уникальное по своим позитивным характеристикам *гражданское общество*⁶. Наконец, напомним, что первый общепризнанный классик в исследовании американской цивилизации, француз А. де Токвиль, считал ее основополагающим фактором *демократию*⁷.

Все эти аналитические выкладки зарубежных исследователей приняты во внимание. Вместе с тем я предлагаю собственный реестр архетипов и факторов цивилизации США, оказывавших воздействие на американскую историю на всех исторических этапах вплоть до наших дней. Среди архетипов и факторов цивилизации США можно, как

³ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня: в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 42. (См.: Lerner M. America As a Civilization. Life and Thought in the United States Today: in 2 vols. N.Y., 1957.)

⁴ Харц Л. Либеральная традиция в Америке / Пер. с англ. М., 1993. (См.: Hartz L. The Liberal Tradition in America. An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. N.Y., 1955.)

⁵ Huntington S.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y., 2004. P. 81–106.

⁶ Bell D. «American Exceptionalism» Revisited: the Role of the Civil Society // The Public Interest. 1989. No. 95.

⁷ Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с фр. М., 2000. (См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. Two Volumes in One. N.Y., 1851.)

представляется, выстроить определенную иерархию, выделить наиболее весомые и назвать *главный фактор*. Он выступает в качестве своего рода оси цивилизационного развития, определяет его основные существенные черты на самых разных этапах.

Главный фактор цивилизации США, который оказывал на протяжении всей американской истории огромное, в целом ряде отношений, определяющее воздействие на все сферы общества и, что особенно важно при изучении цивилизации, *доминировал в национальной культуре*, представляется возможным обозначить как *либерально-капиталистический индивидуализм*. Данное понятие содержит в себе сразу три ключевых слова, каждое из которых имеет принципиальное значение.

Понятие индивидуализм означает, что на протяжении всей американской истории отдельный индивидуум рассматривался и представлялся в качестве самостоятельного и главного субъекта общества, ответственного за реализацию своих возможностей и способностей, как и за собственное благополучие. С самого начала либерально-капиталистический индивидуализм выступал в США в качестве *именно общенациональной ценности, а не только кредо одного буржуазного класса*. Его разделяли если не все классы и социальные группы, то их большинство, что являлось важнейшей причиной смягчения классовых конфликтов даже в условиях присутствия самих этих классов в социально-экономической структуре. Вопреки мнению, встречающемуся среди американских обществоведов, что особенностью США является наличие в них бесклассового общества, классовые разделения в стране присутствовали всегда. Но во все эпохи классовое самосознание нижних американских слоев было одним из самых низких в мире, а часто более сильным противовесом ему в ментальности масс была вера в возможность восхождения благодаря индивидуальной ответственности, способности и инициативе в те слои, которые именуются буржуазными.

Главенствующая позиция либерально-капиталистического индивидуализма среди факторов цивилизации США серьезно повлияла на другой фактор — *равенство*, которое также изначально присутствует среди важных американских социокультурных ценностей. Во многих национальных культурах, в том числе в российской, эта категория трактуется как равенство в материальном положении, в целом в достигнутых жизненных результатах. Но в американской национальной культуре и ментальности эта категория изначально трактовалась как *равенство возможностей*, которое при наличии индивидуальной свободы в качестве главной ценности и при том, что индивиды от природы наделены разными способностями, совместимо с достижением ими разных жизненных результатов и утверждением в результате материального

неравенства. Государственное вмешательство в конкурентную борьбу индивидуумов допускалось только в целях утверждения равенства возможностей, но не в целях имущественного уравниательства.

Такое понимание равенства, как и его соотношения с индивидуальной свободой, господствовало в США на протяжении всей американской истории. Его практические результаты, включающие серьезные парадоксы, могут быть проиллюстрированы яркими примерами. Известно, что на современном этапе в результате успехов движений женщин и чернокожих американцев им удалось добиться серьезного расширения *равенства возможностей* для этих двух крупных социальных групп. В результате реально улучшилось их экономическое и статусное положение, многие их представители поднялись в средний и верхний классы. Парадоксом же по отношению к этому достижению является то, что имущественные различия между тремя экономическими классами – нижним, средним, верхним – в США не только не уменьшились, но, начиная с 1970-х гг., даже увеличились. Объяснение заключается в том, что *равенство возможностей* для женщин и чернокожих дало возможность возвыситься, перейти в более высокие и благополучные страты и слои наиболее способным и энергичным среди них, а наименее способные остались в прежнем положении, а то и спустились вниз по социальной лестнице.

Важный фактор американской цивилизации – ее англосаксонские корни и происхождение. *Англосаксонский цивилизационный архетип* господствовал в период становления североамериканского общества в XVII–XVIII вв. и сохранял огромное влияние на протяжении всей последующей истории США. Североамериканское общество началось не с «чистого листа», оно возникло в XVII в. как продолжение английской истории и цивилизации, тогда уже одной из самых передовых и материально развитых.

Английский цивилизационный архетип утверждал индивидуума в качестве главного субъекта американской цивилизации. Он же способствовал развитию в американской цивилизации такого важного субъекта, как *гражданское общество*, по видимости, оппозиционного индивидууму. Но в действительности индивидуум и гражданское общество в Северной Америке находились в сложных отношениях, которые в позитивной части включали сосуществование и взаимодействие. Роль гражданского общества, представлявшего совокупность добровольных объединений индивидов, создаваемых для солидарного достижения общих целей и интересов и регулирования норм общежития, традиционно присутствовала в Англии, а в Северной Америке она еще более упрочилась уже по той причине, что объема правительственной власти в ней явно недоставало для организации и регулирования

ния правового пространства. В XIX в. США в развитии гражданского общества настолько превосходили Старый Свет, что некоторым выдающимся европейским умам оно стало казаться достоянием одной Америки. Так рассуждали А. де Токвиль и Г. Гегель, который, кстати, ввел в оборот само понятие *гражданское общество*.

Среди наиболее важных факторов американской цивилизации неизменно выделяют феномен *подвижного фронта* – реальной возможности для массы белых американцев на протяжении XVII–XIX вв. «передвигать» границу освоенных земель и заселять огромные незанятые западные территории, обращаясь в независимых собственников – фермеров, торговцев, предпринимателей. Фронтир оказывал разнообразное воздействие на американское общество уже в колониальный период. Благодаря возможностям вхождения в ряды сельских собственников до 70% белых колонистов оказывались в среднем классе, а уровень их жизни уже тогда в полтора-два раза превосходил англичан, которые, в свою очередь, были более благополучны, чем жители континентальной Европы. После Войны США за независимость из земель, расположенных за фронтиром, был образован государственный фонд, включивший первоначально незанятые северо-западные территории. Здесь нет возможности рассматривать противоречивые аспекты аграрного законодательства. Для нас важна та его сторона, которая заключалась в приобщении к земельной собственности масс безземельных и малоземельных американцев и, как следствие, ослаблении имущественного неравенства. Благодаря в первую очередь наличию «подвижной границы» на Западе, как она известна в исторической литературе, создавалась «подвижная граница» между классами, давшая основание К. Марксу, этому беспощадному критику капитализма, заключить в 1852 г., что в США «классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в непрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу...»⁸.

На рубеже XIX–XX вв. фронтир (граница) достиг своего естественно-географического предела, но его цивилизационное значение не было исчерпано, ибо он *сохранился в качестве социокультурного архетипа в американской национальной ментальности*. В ней прочно укоренилось то представление, что каждый индивидум должен иметь и имеет возможность преодолевать жизненные фронтиры, не бояться «сниматься с места», если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны, устремляться на новые места, которые обещают новые, лучшие возможности. Все поколения американцев, даже после исчерпания географического фронта, демонстрировали

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 127.

гораздо бóльшую, нежели другие народы, горизонтальную мобильность – в случае с американцами способность по несколько раз в жизни сменять места проживания и трудовую деятельность.

На протяжении истории США важным ее культурно-цивилизационным фактором являлась *иммиграция*. Сначала из европейских стран, а с середины XX в. во все большей мере из Азии, Латинской Америки и Африки. Эта иммиграция приносила с собой новые культурно-цивилизационные веяния, которые влияли на самые разные общественные сферы. Иммигранты отличались друг от друга и по этническим и по социальным характеристикам, но вместе с тем среди них преобладали характеры неординарные, смелые, предприимчивые, даже отчаянные (уже само плавание через океан – путешествие на всю жизнь в неизвестное будущее – требовала незаурядного мужества). По прибытии в Америку они трудились в поте лица своего, выбивались в люди, а совокупность их огромных и методичных индивидуальных усилий увеличивала и благосостояние нации в целом.

Историко-социальный механизм ассимиляции иммигрантов в американскую национальную общность на основе восприятия норм господствующей англосаксонской культуры был обозначен в исследовательской культуре как *плавильный котел*. Он определял взаимоотношения этносов в Северной Америке на протяжении трех с половиной столетий. Но на современных исторических этапах, начиная с середины XX столетия, «плавильный котел» испытывает соперничество со стороны фактора иного толка, обозначаемого как *мультикультурализм*. Он означает, что этносы и расы, отличные от англосаксов, обретают право на сохранение и увековечение своей национально-культурной идентичности, которая многими поборниками мультикультурализма приравнивается не только к автономии, но даже к суверенитету, и, безусловно, к равенству с англо-американским национально-культурным ядром.

Цивилизационный фактор внешнеполитического развития США, на мой взгляд, представляется возможным определить как *экспансионистское мессианство*. О его присутствии в американской истории говорил президент США Барак Обама: «<...> у нас в ДНК <...> отпечатано стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому»⁹. На современном этапе идея «предопределения» США для создания мировой демократической империи выступила в идеологии американской элиты зримо и откровенно. Многие американцы, а в ряде случаев большинство опрошенных, относили «распространение демократии по всему миру» к важнейшим целям внешней политики США.

⁹ Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб., 2008. С. 313.

Раскрывая значение мессианизма в качестве цивилизационного фактора внешней политики США, хотелось бы вместе с тем предупредить против преувеличения и, тем более, абсолютизации его значения. В разные эпохи этот фактор действовал неравномерно и неоднозначно, в одни из них он находился в латентном состоянии, дремал, в другие – пробуждался и проявлял себя зримо и агрессивно. После поражения Соединенных Штатов во Вьетнаме он резко ослаб, и, казалось бы, у американцев наступило выздоровление и освобождение от имперско-мессианского синдрома. Но на современном этапе произошла его реанимация. Отметим, что наряду с мессианством на американскую внешнюю политику оказывали воздействие другие факторы, которые уже нельзя отнести к цивилизационным и которые в равной степени присущи многим странам. Это, в первую очередь, экономические интересы, как национальные, так и капиталистического класса. Это также конкретные политические расчеты, призванные обеспечить США ту позицию в мире, которая организует выгодный им баланс сил. Важно находить точную меру влияния культурно-цивилизационного фактора *мессианства* на внешнюю политику США, но отрицать его значение в формировании американской внешней политики невозможно.

Вводя цивилизационный подход, я не возвожу его в ранг наиболее, а тем более единственно научного, лишенного каких-либо недостатков и слабостей. Одним из слабых мест цивилизационного подхода, проявляющимся в работах, написанных на его основе, является абсолютизация роли цивилизационных факторов на различных исторических этапах. Избежать опасности цивилизационного «перекоса» в изучении истории той или иной страны, в том числе и США, можно, в первую очередь, твердо оставаясь на почве историзма.

Междисциплинарный подход. Важное значение в развитии профессиональной американистики имеет освоение современных исследовательских методов, среди них междисциплинарной методологии. Междисциплинарная методология – это приемы, категории, понятия, почерпнутые из социологии, политологии, антропологии и других общественных наук. Нельзя не отметить опасности, возникающей в случае механистического восприятия историком категориально-понятийного аппарата общественных наук. Приведу один показательный и яркий пример. Одной из наиболее распространенных политологических категорий, воспринятых на современном этапе многими отечественными историками, стал тоталитаризм. Она применяется в изучении самых разных исторических тем и периодов: не только начинающие авторы, но и маститые исследователи, признанные в своих темах авторитеты, используют эту категорию и понятие при характе-

ристик политической власти в эпоху Петра I, Ивана Грозного и даже Древнего Рима. Между тем тоталитаризм, как он используется и определяется в политической науке, это феномен, который возникает в XX в., является порождением массовой политики и к более ранним периодам отнесен быть не может.

Многие историки чужаются методов социальных наук, считая их несовместимыми с историзмом. Подобный подход представляется крайностью. На самом деле подходы, категории и понятия социальных наук помогают в случае их надлежащего соединения с собственными методами и приемами исторической науки глубже и разностороннее раскрывать существенные, структурные и системные характеристики и взаимосвязи разных исторических эпох. Например, без знания типологии политической демократии, разработанной в современной политической науке, нельзя точно и глубоко постичь характер американской власти в самые разные исторические периоды. Важны такие категории политической науки, как *политический режим, политическое участие, политический процесс* и другие. А без использования теории социальной стратификации современной социологии трудно классифицировать социальную дифференциацию и социальные общности не только сегодняшней эпохи, но и далекого прошлого США. Также полезны другие категории социологии: *вертикальная и горизонтальная социальная мобильность, приспанные и приобретенные социальные статусы* и другие. Категории современных общественных наук являются *теоретическим подспорьем для постижения существенных характеристик прошлых эпох, но ни в коем случае не их матрицей.*

Исторический материализм. Критикуя теорию исторического материализма, я не склонен отбрасывать ее целиком, ибо это, как представляется, заключало бы в себе опасность «выплескивания с водой и ребенка». И сегодня я разделяю то положение, что в капиталистическом обществе, каковым всегда являлись и остаются США, экономическим отношениям принадлежит *первенство* в выстраивании социальной структуры общества, а социальная структура и социальная стратификация удерживают *приоритет* в определении характера политической власти. Но это представление сочетается в моем современном теоретическом видении с признанием реальной и гораздо большей, нежели это представлялось американистам советской эпохи, роли иных факторов, в первую очередь социокультурных, влияющих на характер всех трех анализируемых общественных сфер, как и их взаимоотношений.

Познавательные возможности исторического материализма могут раскрыться только при его соединении с другими научными принципами, и, конечно же, при соблюдении принципа историзма. Поясню это

на примере изучения политической власти. Как представляется, классовый подход наиболее весом при изучении характера политической власти рабовладельческой и феодальной эпох, когда нижние экономические классы были лишены возможности влиять на нее. Но в капиталистическом обществе такие возможности у них появляются и возрастают. В этом обществе, что ярко проявилось и в американской истории, политическая власть, хотя и не утрачивает элитарного характера и испытывает непропорционально большое влияние со стороны верхнего класса, становится вместе с тем более плюралистической и демократической. Реальной исследовательской проблемой становится выявление соотношения ее элитарного, плюралистического и демократического компонентов.

Использование разнообразных методологических средств равнозначно не эклектике, а более плодотворному постижению исторической истины. Историческая истина лежит не посередине между противоположными оценками. Ее постижение означает раскрытие, признание, точное соотнесение и сбалансированное представление в исследовании всех сторон изучаемого объекта.